

НАША СТРАНА

Год издания—43-ий. Буэнос Айрес, суббота 10 ноября 1990 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 10 de noviembre de 1990 № 2101

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Доклад прочитанный на Шестом Съезде Русской Православной Молодежи в Монреале

Российская деревня всегда была категорией не только социальной, экономической, но в первую очередь — духовной. Эта духовность проявлялась и в самом укладе жизни, в обрядах, отправлении праздников, в национальной одежде, утвари, вышитых полотенцах, в богатейшем и образном языке, в пословицах и поговорках, удалых плясках, степенных хороводах. Еще моя мать, которая скончалась в 1957 году, рассказывала мне как у них в селе на Троицу триста девушек в белых платках и венках из цветов, со свечами в руках водили праздничные хороводы. Кто сейчас увидит то же самое село, не поверит, что еще меньше чем сто лет назад были возможны такие хороводы.

Наибольшим же образом духовность проявлялась в русских песнях, причем не только в мелодии и словах, но и в умении петь, в огромной музыкальной культуре, музыкальной грамотности народа. А музыкальная культура была очень близка церкви. Ведь в каждом селе был храм, в каждом храме был хор и регент. Мальчики и девочки участвовали в церковном хоре и отсюда рождалась всеобщая музыкальная культура.

ЛИЦО СТРАНЫ

На протяжении всей жизни нам тыкали в нос — и сейчас еще не прочь тыкнуть — "невежеством, мраком и грязью" дореволюционной России. Нам внушали, что до 1917 года, кроме невежества, мрака, грязи и идиотизма — это выражение Ленина — ничего в России не было. Известный в свое время советский журналист Михаил Кольцов (это псевдоним) писал в 1927 году: "Вот уже 10 лет мы догоняем и перегоняем грязную и вонючую старуху с седыми волосами — дореволюционную Россию". Это конечно ложь и клевета. У России было лицо не грязной старухи с седыми космами. У России было лицо Достоевского, Блока, нестеровской амазонки, Шалапина, баронессы Вревской — иркутской красавицы, которая добровольно ушла на Турецкую войну и там погибла от тифа; памятник ей стоит в Болгарии. У России было лицо Скобелева, Иоанна Кронштадтского и тех о ком идет речь в следующем замечательном стихотворении Георгия Иванова:

Эмалевый крестик в петлице
И серого френча сукно.
Какие прекрасные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны
Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжны.

И вот после всего этого появился журналист, который на всю страну в газете возвещал о "грязной, вонючей старухе".

Тыкают нам в нос до сих пор и

"безграмотностью дореволюционного народа". Однако, во-первых, по замыслу Столыпина уже в 1924 году в России вводилось всеобщее обязательное учение. В нашем селе, например, школа была открыта в 1880 году. А теперь догонялись и доперегонялись: школа эта давно закрыта — точно также как в каждой области нашей страны. Закрывается в год по 100 по 200 школ — некого стало учить. Учительница нашего села объясняет: на все классы есть всего лишь три ученика. А вот когда я учился в 1930 году нас было 114 мальчиков и девочек. Какая гурьба, какая рожица подрастающего российского населения! А осталось три человека. Догнали и перегнали "грязную старуху России"!

Во-вторых, знать алфавит и азбуку это еще не грамотность. Любой дебил, любой неполноценный ребенок эту грамоту может освоить в течение одного года. Но разве можно сказать, что были неграмотны плотники, которые срубили Кижы, которые поставили сотни и тысячи удивительных храмов? Разве можно уличить в безграмотности людей писавших неповторимые иконы, чеканивших серебро, отливавших звонкие колокола, складывавших прекрасные русские песни, создавших сказочные изразцы, шивших удобные и теплые одежды, производивших звонкие горшки и крынки, расписные архангельские прятки, холмогорскую резьбу по моржовой кости? Разве можно назвать безграмотностью новгородскую резьбу по дереву? Обвинить в невежестве все талантливое, самодеятельное население России создавшее красоту? А ведь красота это и есть духовность.

Красота же пронизывала весь деревенский быт сверху донизу. Резной конек на крыше, резные наличники, женские праздничные одежды, песни в сенокос, песни на свадьбу, песни на девичьих сиделках.

А потом наступает момент, когда народ обретает иной голос, он как бы командует своих лучших сынов в большой мир искусства, чтобы они от его имени говорили человечеству. Появляется Пушкин и Гоголь, Лермонтов и Тургенев, Достоевский и Толстой. И вовсе необязательно, чтобы писатель рассказывал бы только о так называемом простом народе. Пушкин не менее, а более народен нежели скажем Кольцов, Никитин. И не напрасно стихи аристократа Пушкина тотчас же становились народными песнями.

ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ

Но если говорить о писателях, которые были одновременно представителями и большой литературы и литературы широких народных масс, то придется конечно остановиться в первую очередь на Некрасове. Безусловно, если бы не великая его любовь к народу, то многое в его творчестве трудно было бы оправдать. Однако лю-

бовь искупает все; она пробивается в стихах Некрасова сквозь холодный, жестяной пластырь тенденциозности. В 19-ом веке, особенно в 50-х годах, модой стало нигилистически относиться к родной российской деятельности. Относились все больше с подковыркой, с разоблачением, со стремлением принизить, с желанием в конечном счете размыть и разрушить. Даже Чехов и Бунин поддались этой моде, написав первый "В овраге", а второй повесть "Деревня". Причем, по воспоминаниям близких, Иван Алексеевич Бунин сожалел об этом до конца своих дней.

Вот и Некрасов. Едет он из своего имения в Петербург. Водит по сторонам, поздняя осень, грачи улетели, лес обнажился, поля опустели. Ну и порадовался бы, что поля уже убраны, раз они опустели, весь хлеб в закромах, в амбарах. Вдруг, стоп, только не сжата полоска одна, "на грустную думу наводит она". Может быть на всю Россию одна полоска не сжата, но вот именно это его сразу заволновало. И видит он красавицу, настоящую русскую красавицу. Порадоваться бы, поллюбоваться ею. Ан нет, он сокрушается о ее мнимой доли. Ну и, наконец, хрестоматийно известная его вещь: "Назови мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал... Стонет он по полям, по дорогам, стонет он по тюрьмам, по острогам... Стон раздаётся над великой русской рекой, этот стон у нас песней зовется..." Ну и дальше — где народ, там и стон.

Тенденциозность этих строк очевидна. Это поклев на действительность. Сам же Некрасов опровергает себя в других своих стихах. Там где он отказывается от тенденциозности, он о жизни народа находит совсем другие слова:

Будут песни к нему хороводные
На заре из села вылетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать.

Так что же? Хороводные песни залетающие из села тоже были подобны стону? Едва ли. Вот писал Некрасов о том, что в России, мол, все привыкли к бедности. Но тоже писал:

Ситцы есть у нас богатые...
Есть у нас мыла пахучие.

Это, впрочем, очень злободневно потому что у нас мыла в стране нет — кризис. Или знаменитые стихи о бояре Власове, который

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары
Созывает Русь крещеную
На послынные дары.
И дают, дают целковые,
Так из левты круговой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной.

Разве страна будет стонать, если земля украшается храмами? Вот теперь, когда все эти храмы разрушены, понятно, что слышен стон.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ

Скажу еще, что на просторах России ежегодно было 18 тысяч ярмарок. В Успенев день, в Петров и т. д., начиная с Нижегородской огромной и кончая простыми сельскими ярмарками. Вот тот же Некрасов, который писал, что народ только стонать умеет, находил и другие слова. Вот описывает ярмарку, сельскую, простую: "Товару много всякого, хмельно, горласто, празднично, пестро, красно кругом... На бабах платья красные, у девок косы с лентами..."

Недавно у меня вышла книжечка "Читая Ленина". Я получил много писем и один из основных мотивов был: "Да как Вы смогли поднять руку, ведь если бы не Ленин, Вы сейчас бы в лаптях ходили и землю сохой ковыряли". А вот Некрасов пишет, что были разноцветные одежды, навалено полно сельско-хозяйственных орудий на ярмарке, никакой бедности. А насчет стона, что мол у нас стон песнею зовется, тот же Некрасов говорит: "Вдруг песня хором грянула, удалая, согласная. Десятка три молодчиков... поют про Волгу-матушку, про удаль молодецкую, про девичью красу... Песня складная, широко вольно катится, под ветром стелится". Что-то не похоже на стон.

Наконец есть у него такая замечательная сцена в этом же описании ярмарки: там продавалась мельница с молотка и один мужик очень хотел ее купить, а у него денег при себе мало, цена же все подымается и подымается. Тогда он попросил полчаса отсрочки, вышел на площадь и говорит всем: если вы меня знаете, если вы мне верите, то выручайте. И свершилось. На базарной площади крестьяне раскошеляются, несут ему денежки, дают кто чем богат, наклали шапку полную. Вот вам уровень духовности деревни того времени.

Забегу вперед и напомним об одной из лучших повестей замечательного современного писателя Валентина Распутина "Деньги для Марии". Обманули продавщицу с накладными, произошла у нее растрата на две тысячи рублей. А тогда за "социалистическую собственность" 25 лет тюрьмы давали. И вот муж ее уповает на односельчан, но никто, ни родственники, ни брат родной, никто не помог. Вот вам два уровня духовности, в 19-м веке и теперь. Напомню еще один некрасовский портрет крестьянки: "и труд ей несет воздаяние, здоровы и сыты ребята, на праздник есть лишний кусок, и по сердцу эта картина всем любящим русский народ". Должен сказать, что нигилисты наши не только не любили русский народ, но его ненавидели. Отмена крепостного права для них была тяжелым ударом потому что она разряжала революционную обстановку. У революционеров же лозунг был ленинский: чем хуже, тем лучше, а чем лучше, значит, тем хуже.

И даже когда в 1961 году надо было отменить столетие со дня отмены крепостного права ни одна советская газета даже не упомянула о том, что век назад ужасное крепостное право было в России отменено. Однако, что значит "ужасное"? В неделю крепостные крестьяне не больше трех дней должны были работать на барина. Остальные, значит, работали на себя. И из барщины должны были отдавать десятую часть урожая. Теперь же, не три дня, а круглый год работают на колхоз и себе не могут оставить ни одного грамма — колхоз должен все вывезти государству. Вот вам и крепостное право.

ПОЛУИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В Москве в 1921 году насчитывалось 200 тысяч пустых квартир. Спрашивается, куда делись эти люди и кто поселился в их пустые квартиры? Дело в том, что русская интеллигенция, которая складывалась веками, была к тому времени фактически истреблена. Частично уехала в эмиграцию, частично погибла на фронтах Гражданской войны, но большей частью была расстреляна в подвалах и уничтожена на Соловках. Концлагеря это были места куда везли и везли, где уничтожали, откуда никакая почта не выходила, это была как черная дыра для историков всех слоев населения российского.

Итак, интеллигенция была истреблена и образовался на ее месте вакуум, который засосал с периферий, главным образом с южной, полуинтеллигенцию: фотографов, парикмахеров, портных, местных ремесленников и т. д. Все они хлынули в Москву, чтобы заменить собой подлинную российскую интеллигенцию. Недаром Бурлюк — и не художник и не поэт, хотя значится в советских энциклопедиях как художник и поэт — в то время слал телеграммы в свою Одессу знакомым и друзьям, мол, приезжайте скорее, можете стать знаменитыми писателями и художниками. "Поэт" Крученых написал тогда стихи со знаменитой строчкой:

Дыр бур шир убецу

и критика утверждала, что в этих стихах национального больше, чем во всем Пушкина.

Новоприезжие не могли, разумеется, равняться ни с Пушкиным, ни с Лермонтовым, Блоком, Гумилевым и Есениным потому что они не только не умели писать стихи, но и по-русски говорили кое-как. А стать поэтами им хотелось. Значит им была нужна нулевая отметка. Поэтому они провозгласили Крученых поэту ли не великим поэтом. Он написал "дыр бур шир убецу", а по сравнению с этим, что ни напиши все будет уже гениально. Как в Колондаик, как в золотую лихорадку хлынула эта полуинтеллигенция в Москву и Петербург, для того чтоб подменить собой интеллигенцию. Но для этого ей нужно было настоящую, еще царскую, русскую интеллигенцию практически уничтожить.

Поэтому расстрелян Гумилев, поэтому с голоду умирает Блок. Однако Есенин был еще молодым и крепким и на его фоне новоприезжие не могли выступать как поэты. Поэтом его начали хулиганом, алкоголиком, всячески третировали, готовили его закономерную гибель. Он должен был умереть, он не вписывался в действительность тех лет.

Есенин был замечательным русским поэтом, светлым отроком. А тогда были в почете декларации о поэзии как та, высшую считали Малевич: "Самым высшим считаю говор без слов, когда через рот бегут безумные

слова, ни умом, ни разуму не постигаемые". И вот, представьте себе, на фоне этого безобразия встает золотоголовый юноша с рязанских полей и читает: "Несказанное, синее, нежное, дивный край после бурь, после гроз, и душа моя поле безбрежное, дышит запахом меда и роз. Я устал, года сделали дело, но того, что прошло не помню. Слово, тройка по ней оголтелая прокатилась на всю страну. Напылили кругом, накопытили и пропали под дьявольский свист, а теперь вот в лесной обители, даже слышно как падает лист".

Конечно, на фоне таких стихов эти поэты в кавычках существовать не могли и им было необходимо все национальное и прекрасное принизить или просто-напросто уничтожить.

Надо сказать, что поскольку Есенин в детстве бабка водила по монастырям, у него, особенно в ранних стихах, сильны церковные мотивы. Атрибуты религии и церковности у него встречаются практически в каждой строке стихотворения: "И березы стоят как большие свечки", или "и под плач панихид, под кадильный канон", или "у церкви пред иконами древними, поклонялись Пречистому Спасу", или "ходит милостник Никола". Не надо думать, что эта религиозная терминология сводится только к юношескому лепету. Открою вам второй том: "Господи, я верую..." "О Матерь Божия..." Или: "И за все грехи мои тяжкие, за неверие и благодать, положи меня в белой рубашке, под иконами умирать".

ЕСЕНИН УБИЛИ

Но даже и этой последней возможности ему не предоставили. Теперь уже ни у кого не остается никаких сомнений, что Есенин был убит в гостинице "Англетер", а вовсе не покончил самоубийством. На фотографиях уголовного розыска тех времен отчетливо видно, что на виске у Есенина глубокая рана, значит был убит, да и не было петли. Ведь когда вешаются обычно себе делают петлю, а вокруг шеи Есенина просто была замотана веревка. И современники его очевидно это тоже знали, да только позднейшая пропаганда отучила нас от этой мысли.

К тому же, его дважды отпевали. Он был отпет в Петрограде — а по христианскому, православному канону самоубийц не отпевают — а потом мать его — а ей лучше было знать — отпела его, когда тело привезли в Москву.

Есенин должен был погибнуть как всякое талантливое, национальное явление, точно также как позже замечатель-

нейший русский поэт Павел Васильев, казачий поэт. Так как это был боец, то его замучили. А было ему всего 26 лет.

И есть еще один поэт, который не смотря на то, что пошел на полное услужение большевикам и советской власти, все равно погиб. Сам себя застрелил, или тоже не сам себя, не знаю. Я говорю о Маяковском. Это герой моего романа, но он назвал большевиков своим именем: "бандой политических рвачей". Вот эта банда и уничтожила прекрасного русского поэта Сергея Есенина.

Никакой Есенин не советский, это был последний из полных смысловых, русский поэт: "Мир таинственный, мир мой древний, ты как ветер затих и присел; вот сдавили за шею деревню..." А затем поэт предсказывает свою собственную смерть: "Все же песню отмщеня за гибель пропоют мне на том берегу".

Под "тем берегом" он конечно подразумевал в том числе и этот зал где мы сейчас сидим: он подразумевал ту русскую культуру, ту русскую интеллигенцию, которая оказалась вне пределов своего государства.

Есенина, как я сказал, убили. Но если б он прожил еще четыре года, он умер бы еще раз. Четырех лет он не дождался коллективизации, когда было решено все население превратить в трушеники армии. Вне зависимости этот замысел претворялся в жизнь путем Гулага: зеки проводили железные дороги, рыли каналы, причем гибли миллионы людей. А в деревне все обстояло сложнее, там пахать надо, сеять, за колючую проволоку не поставишь всю землю крестьянскую — и тогда придумали колхозы. Я помню и могу свидетельствовать, что ни один крестьянин в колхозы идти не хотел. Это была подневольная, принудительная акция. Чтоб остальных заставить повиноваться, шесть миллионов крестьянских семейств было выброшено в тайгу и тундру на холодную и голодную смерть. Даже сам Сталин преспокойно признавался, что коллективизация обошлась в 15 миллионов жертв. Есенин бы этого не пережил. Если б его не убили в 25-ом, он повесился бы в 29-ом.

А дальнейшая литература о деревне была уже советской. Сталин хотел, чтоб искусство воспело эту кровавую коллективизацию. И что же, литература откликнулась. Появился поэт "Страна Муравия" Александр Твардовский и позорный роман "Поднятая целина" Михаила Шолохова. Особый трагизм Твардовского в том, что семья этого крупного поэта тоже была раскулачена и он писал свою поэму, воспевавшую коллективизацию, когда его отец, мать, и брат погнали в заключенными на Беломорканале. И конеч-

но, не зная этого момента, трудно понять позднего Твардовского, который занял, как говорится, более "прогрессивные" позиции и опубликовал солженицынский "Один день Ивана Денисовича". Красноречив и тот факт, что он тоже пил горькую и пил мертвую. Но так или иначе, вся литература стала воспевать и что притворно колхозную жизнь и это продолжалось до 1953 года.

СВЕЧЕЧКА ПРАВДЫ

После смерти Сталина, поэт Александр Яшина, славный действительно розовую колхозную действительность, как гром среди ясного неба вдруг разразился небольшим рассказом "Рычаги", который был опубликован по оплошности властей. В нем уже дышал огонек правды. После этого Яшина уж топтали-топтали, ноги об него вытирали-вытирали, ругали-ругали его, но к его чести надо сказать, что раз изменив лабиринт цензурного жанра он вышел на этот путь не возвращался. Он написал второе произведение в том же духе — "Вологодскую свадьбу", где сравнил дореволюционную вологодскую свадьбу с песнями и нарядными одеждами с современной пьяной, некрасивой с свадьбой, когда жених прикрывает с невестой, на самосвале, машине на которой возили бетон, мусор, всякую грязь.

Яшина снова долго и сильно ругали, но процесс пробуждения уже начался. В этом смысле он — переломная фигура. И вдруг все увидели, что наша деревня, о которой писали такие радужные стихи и романы находится в бедственном положении. Она, в сущности, исчезает, и об этом первая заговорила литература. Появились произведения Овечкина, Тендрякова, Ефима Дороша, появился Федор Абрамов со своим знаменитым очерком "Вокруг да около". Однако на первых порах они думали, что "плохо потому, что плохо предсательство колхоза, а если поставить хорошего, то и дела в колхозе пойдут хорошо". Это было глубоким заблуждением, но положительно то, что хотя бы они говорили, что в деревне плохо.

И только позже, когда вышла на арену плеяда замечательных писателей прозванных "деревенщиками", была высказана вся правда. Все они — порождение российского крестьянства. Каким же духовным потенциалом обладало это крестьянство, если будущи уже практически уничтоженным оно все-таки успело еще родить таких людей как Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев! Фактически творчество это родное с матерью, процветание с родной деревней. Надаром и такие названия: у Астафьева "Последний поклон", у Распутина "Прощание с матерью", у Белова "Кануны", то есть кануны гибели.

Они успели попрощаться со своей матерью. Какой будет дальше литература о нашей деревне предсказать невозможно, потому что российской деревни сейчас нет — не только как территории духовной, но и как категории экономической и тем более социальной. Произошло раскрестьянивание России, точно также как в 1919 году произошло расказачивание. Вот сейчас, пока мы здесь сидим, в России 800 тысяч пустых домов. А сколько было словено, уничтожено? Исчезла деревня, фактически исчезла. Возродится ли она в будущем? Причастность моя к православию позволяет мне сказать: на все воля Божия, все в руке Божией, посмотрим. Иным оптимизмом я сейчас обладать не могу.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Волею Божией 19 октября с. г. после продолжительной болезни тихо скончался долголетний клирик и строитель Кафедрального Собора Воскресения Христова в Буэнос Айресе иерей отец

И О А Н Н Г Р Е Ч К О

и был отпет 20 октября преосвященнейшим епископом Иоанном Буэнос-Айресским и Аргентинско-Парагвайским и духовенством епархии. Погребен на кладбище Чакарита.

В сороковой день смерти

СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ШЕХОНИНА

10-го ноября с. г., в 17 часов 45 минут в Кафедральном Соборе Воскресения Христова будет отслужена панихида.

О чем извещают вдова и дочь с мужем.

Трибуна Читателя

МЫСЛИ ВСЛУХ

Конкретное условие свободы

НЕ ВСЕ ПОГИБЛО

Соотечественники из Российской Империи — объединяйтесь!

Объединяйтесь и помогите, тем самым, своей многострадальной родине возродиться. Уверю вас искренне, что в России еще не все погибло. Главные ценности: вера в Бога, духовная культура, сострадание и милосердие (спокойствие веков присущие славянам особенно), любовь к своему отечеству и истории остались живы, хотя в течение десятилетий, с завидным упорством, эти качества, идеологи марксистско-ленинского учения, пытались вытравить из людских душ. Начало этому положил лозунг: «Религия — опиум для народа», затем жестокий и циничный сталинско-моловский лозунг: «Москва слезам не верит» и т. д.

С варварской жестокостью разрушались храмы и памятники истории, гражданская братоубийственная война, после краткого затишья, переродилась в невиданный по масштабам геноцид — дорвавшиеся к власти авантюристы, ценой миллионов жизней своих сограждан удерживали эту власть и строили светлое будущее (коммунизм) для себя лично, а позднее (при Брежнев) и для близких родственников.

Но слава Богу, что страшным несчастиям тоже приходит конец.

Будем считать 1985 год, началом конца.

И. А. Соболев (Клайпеда)

ФАКТЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В письме «С чем возвращаться» («Трибуна читателя» в № 2094) подымается вопрос о том, являются ли «прогрессистские антимоноархические заявления одного из руководителей ОРЮР мнением всей организации, частным мнением этого руководителя, или мнением какой-нибудь партии или иной организации, к которой этот руководитель принадлежит одновременно». Речь идет о заявлении руководителя восточно-американского отдела ОРЮР Г. Лукьянова, данного им советской печати, что «мы вовсе не хотим возврата к прошлому, к монархии... мы хотим движения вперед».

Этот вопрос несомненно является уместным. Больше того, русская общественность вправе ожидать ясного и недвусмысленного ответа на него. Но, все-таки, этот вопрос является немногим наивным, также как будет наивным и любой обособленный ответ на него, в случае если такой ответ ограничится узкими рамками этого вопроса, вне контекста всей проблематики связанной, как с вопросом, так и с ответом.

Дело в том, что чисто формально вопрос задан правильно. Действительно, Устав ОРЮР утверждает, что «Идеология ОРЮР основывается на: христианском миропонимании, приверженности к историческим ценностям российской культуры и государственности...» (Пункт 1.4). Так что, Г. Лукьянов, отказываясь от нашего прошлого и от нашей монархии, отказывается от этой провозглашаемой Уставом ОРЮР «приверженности к историческим ценностям российской культуры и государственности». Кроме того, Г. Лукьянов недвусмысленно нарушает пункты 8.2.4 и 8.2.5 Устава ОРЮР, запрещающие политические выступления от имени ОРЮР и ведение партийной пропаганды.

Однако, задавать вопрос о том, является ли заявление Г. Лукьянова его частным мнением, вне контекста ряда всем известных фактов и обстоятельств, является все же наивным.

Перечислим вкратце некоторые из этих фактов и обстоятельств: 1. Г. Лукьянов является членом одной политической партии. 2. Он является начальником «Сектора внутренней работы ОРЮР» и начальником «Отделения ОРЮР», называемого «Лицом к Рос-

сии», каковое название давным давно находится в широком употреблении в партии, в которой состоит Г. Лукьянов. Значит ли это, что все другие подразделения ОРЮР и вообще все другие организации стоят спиной к России? 3. После своей поездки в СССР и после своих там заявлений, Г. Лукьянов был произведен в звание скаутмастера (раньше он был скаутинструктором), в том же приказе, в котором восторженно говорится об этой поездке (Приказ № 256, от 20 июля 1990 г.). 4. В том же приказе, выражается благодарность Г. Лукьянову, за «большую и кропотливую работу для подготовки встреч и контактов в России». Возможно, что встреча с советской печатью тоже была «кропотливо подготовлена». С помощью партии, к которой принадлежит Лукьянов? 5. Как явствует из статьи А. Михальченкова о «Зарубежной Церкви в России» в «Нашей Стране» № 2097, «приглашенные в Россию посредством каких-то неизвестных нам организаций ньюйоркские орловцы поехали... на молебен в храм Патриархии», несмотря на то, что в аэропорт Шереметьево прибыл их встречать «в епископском облачении Владыка Лазарь», епископ Тамбовский и Моршанский, нашей Русской Православной Церкви Заграницей. 6. Недавно возникшая в ОРЮР дискуссия между руководителями этой организации Жуковским (Сан Франциско) и Тарасовым (Европа) об ее американизации, свидетельствует о каких-то идеологических в ней процессах. Уместно задать вопрос, не связаны ли как-то эти до сих пор подспудные процессы с указанными проявлениями тенденций в сторону прогрессизма и предпочтения советской патриархии (а значит и экуменизма)? Вписываются ли эти тенденции в общее направление (в «тренд», как у нас говорят) потакания экуменизму и беспочвенному и космополитическому «демократизму», как это наблюдается в международном скаутизме? Неужели в ОРЮР остались какие-то споры именно такого скаутизма? 7. Если лозунг «Лицом к России» взят от одной политической партии, то что подразумевается под именем Россия, если орган этой партии, в передовице за подписью своего главного редактора, в номере за июль-август с. г., неоднократно употребляет это имя в приложении только лишь к теперешней РСФСР? Если раньше русская политическая эмиграция боролась против смешивания России с СССР, то не является ли сегодняшнее смешивание России с РСФСР политическим сменовеховством? 8. В интервью взятом одной руководительницей ОРЮР (тоже членом этой партии) в самолете во время возвращения из СССР, одному разведчику был задан вопрос о его впечатлении о поездке, в связи с тем, что он «родом из Аргентины», где была высказана оппозиция по отношению к ней. Разведчик ответил, что «наша» организация «должна стоять вне политики». («Вестник Руководителя», № 381, июль-август с. г., изд. ОРЮР). Так как, повидимому, в данном случае «политика» не относится к политической партии руководительницы бравшей интервью, то встает вопрос: не является ли этот отказ от политики отказом от непримиримости по отношению к тому «мировому злу», борьбу с которым предписывает Устав ОРЮР в пункте 1.4.3? 9. Возможно ли, что все это вместе взятое свидетельствует о каких-то попытках («кропотливо подготовленных») политического размагничивания русской политической эмиграции, симметричного перестройке в СССР?

Полный ответ на вопрос поставленный в вышеуказанном письме возможен только лишь в рамках объяснения и всей этой гаммы фактов и обстоятельств, и вытекающих из них, в свою очередь, дополнительных вопросов.

П. Семенов (США).

Если определить фундамент подлинной полной демократии, как «совпадение между верованиями носителей верховной власти в государстве и традиционными верованиями общества, породившего это государство» («Мысли вслух» в # 2090), то встает вопрос: как-же определить в таком случае понятие свободы в государстве?

Нельзя отрицать очевидную связь между понятиями демократии и свободы. Если вышеуказанное определение демократии выходит за рамки абстрактных схем, ставя ее в зависимость от конкретной связи между двумя конкретными социологическими фактами (коллективными верованиями общества и личными верованиями обладателей реальной политической власти), то можно ли в таком случае определять связанную с демократией свободу, как что-то абстрактное? Не является ли свобода, в свою очередь, тоже конкретным проявлением каких-то конкретных условий в обществе?

Несомненно, что подобные уточнения являются абсолютно необходимой предпосылкой для научного подхода к политике, в свою очередь не менее необходимого для оздоровления политической жизни в мире, согласно давно высказанному утверждению покойного академика А. Сахарова. Это и будет поистине новым политическим мышлением. В науке же истинным является только лишь то, что можно проверить, как говорят Декарт, Клод Бернар, Поль Валери и многие другие авторы.

Истинное определение свободы, таким образом, будет то, которое можно исторически проверить, так как история является естественной лабораторией политики.

Первой проверкой понятия свободы будет установление изначального значения этого выражения, то есть его этимологического происхождения, раскрывающего нам его первобытный социологический смысл.

А. Хомяков утверждает, что понятие свобода происходит от соединения понятий свой и быт. (Между прочим, интересно, что понятие «свой» входит в состав и других весьма важных социологических понятий. Например, римляне говорили, что правосудие заключается в твердой и постоянной воле дать каждому свое, *ius suum cuique tribuere*. Сходное понятие твой входит в заповедь «люби ближнего твоего, как самого себя»). Этимологически, слово свобода (если отбросить суффикс собирательного значения «да») происходит от индоевропейского «*sue-bh-o*», со значением «свой, соплеменники, род», или просто «свои люди». Немецкое Schwab, «вольный» или «свой», того же происхождения. (Г. П. Цыганенко, Этим. словарь русского языка). Такой смысл подтверждается этимологическим происхождением этого понятия в других языках. Оно связано с понятиями *люда* и *роста* (на древнегерманском *liutan*, расти, и *liut*, люди, личность; на древнеанглийском *leodan*, *leod*; на современном немецком языке *Leute*), а также и с понятиями приятный, приятель, милый, принадлежащий к собственной семье или к собственному роду (по-гречески «праис», на санскрите *prīya*, на древнегерманском *frī*, на древнеанглийском *freo*, на готском *freis*). С первой группой

слов связаны греческое «элеутерос» (свободный) и латинское *libertas*, свобода, а со второй группой немецкое *Freiheit* и английское *freedom*. (Webster's Dictionary). В Риме, слово *liber* повидимому первоначально обозначало «личность, обладающую естественной возможностью производить на свет». Выросшего молодого человека, т. е. достигшего зрелого возраста, называли *liber* и давали ему *toga virilis*, которая также называлась *toga libera*. Поэтому, свобода — это значит быть в состоянии творить, говорит Ferrater Mora (Diccionario de Filosofia, Buenos Aires, 1969). Суммируя смысл всех вышеуказанных слов, от которых происходит понятие свободы в разных языках, можно сказать, что свобода значит — быть в состоянии приятно творить, для обеспечения собственного роста (духовного и материального), но в рамках своего собственного быта, своего собственного люда.

В таком случае, необходимо также определить понятие быта. Это слово этимологически тоже связано с понятием роста. На древнеиндийском *bhū* значит «расти, разрастаться», отсюда и наше «бухнуть, разбухать» (Цыганенко, там-же). Быт — это не только «манера, образ жизни», но и «совокупность обычаев и привычек». В своем труде «Человек и люди» (El Hombre y la Gente, Madrid 1958), Ортега и Гассет утверждает, что нравы, или обычаи, «сочленяются между собой и основываются одни на других, образуя огромное построение. Это огромное построение из нравов и является Обществом». (Стр. 258). Употребляемое Ортегой испанское слово *usos* (в единственном числе *uso*) соответствует не только нашему «нравы», но и греческому «этнос» и латинскому *mos*, откуда происходят «этика» и «мораль». Согласно Ортеге, нравы являются основным видом проявления человеческого общества. Это сумма неличных актов, это не то, что кто-то делает, а то, что делается. Это формы человеческого поведения, которые навязываются отдельной личности самим обществом, т. е. традициями, обрядами, общественным мнением, и т. д. Можно сказать, что это своего рода осадок общественного опыта того или иного общества.

В свою очередь, такой общественный опыт ведет к установлению собственных политических учреждений, которые затем облачают собой все общество, как кожа покрывает тело. Политическая свобода, согласно Ортеге, состоит в обладании собственными политическими учреждениями, собственной политической кожей, на основании собственных нравов и в согласии с собственными верованиями.

Таким образом, реальное осуществление свободы конкретно обуславливается сохранением и соблюдением в обществе собственного быта, т. е. суммы традиционных в обществе нравов и обычаев. Всякая же насильная их ломка ведет к потере реальной свободы, точно также, как и всякое несоответствие между верованиями правителей и общества автоматически исключает всякую возможность осуществления реальной демократии.

И. Андрушкевич

ПЕЧАТЬ

НЕУМЕСТНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ

В «22» № 70, в слабой, растянутой и скучной повести Л. Гиршовича «Обмененные головы», мы натываемся на нижеследующий пассаж:

«Кстати, со Штраусом у Лисовского вышло, как в «Египетских ночах» (Пушкина), где тоже обещающие трое — ценою жизни покупающие у Клеопатры ночь, — а представлены лишь двое: «Флавий, воин смелый» и «Кристон, молодой мудрец»»

То есть, как же это? Не имея текста под рукой, процитирую Пушкина на память:

Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний шмеля векам
Не передал. Его ланиты
Пух первый нежно оттенял.
Огонь в глазах его сиял,
Страстей неопытная сила
Бурлила в сердце молодом,
И с умиленьем на нем
Царица взор остановила.

Какого еще представления требует г-н Гиршович? Если указано, что имя третьего из лю-

бовников Клеопатры не сохранилось, то зато он описан подробнее всех: его внешность, возраст, характер... Казалось бы — чего больше и требовать?

ПИСАТЕЛИ И БОЛЬШЕВИЗМ

В том же номере отметим превосходные стихи А. Городницкого, изображающие положение писателя в СССР:

Кто метит нынче в новые мессии,
Тот долго не удержит головы.
Писать, чтобы печататься в России
Практически невозможно, увя.

В краю морозов оттепель случайна.
Прозрениям всеобщим — грош цена.
Писатели писать привыкли тайно,
Надеясь на иные времена.

Сейчас, положим, иные времена
вроде бы и настали, но —
относительно. Да и на долго ли?

Тот же автор в следующих словах упоминает о Гумилеве, в посвященном тому специально стихотворении:

От неправедных гонений уберечь не
может слово,
Вас спасти не в силах небо,
провозвестники культуры,
Восемь книг стихотворений Николая
Гумилева

Не спасли его от гнева
пролетарской диктатуры.

ЖУТКИЕ АНЕКДОТЫ

В журнале «Нева» № 5 за 1990 год, две страницы заняты анекдотами, под общим заглавием «Так что же они там перестраивают?!» Выпишем несколько: «Троцкий говорил: Сталин бьет своих противников не по их идеям, а по их черепам».

«Рабинович, что вы все ходите и ходите, — вы же все равно сидите!»

«В тюрьме: — За что сидишь? — За кражу автомобиля. А ты? — Ко мне пришли и сказали: «Уберите портрет этого негодяя». А я спросил: которого?»

«Пятую звезду Героя Брежнев получил посмертно — за освобождение Кремля».

« — Как живешь? — Как в сказке: чем дальше, тем страшнее».

И впрямь, становится страшно! Более светлая нота пробивается только в таком вот анекдоте:

« — Как оформить выход из партии? — Надо получить рекомендации двух беспартийных».

В. Р.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ОТКАЗАТЬСЯ ОТ «ИЗМОВ»

Нам пишут из Киева:

В интервью газете «Вечерний Киев» режиссер документального фильма «Так жить нельзя» Станислав Говорухин сказал, что он в картине «попытался уловить истоки преступности, изуверства, жестокости, варварства. И вы знаете, кровь стынет в жилах, когда узнаешь, что расстрелянный Сталиным в 37-ом году генсек комсомола Косарев приказывал своим людям во время Гражданской выстраивать в ряд пленных юнкеров и, пролетая на конях, лихо рубить этим мальчикам головы. Становится понятно, что когда преступники у власти, ни о какой законности и правосудии речи быть не может».

По мнению Говорухина «пора перестать уже брехать словом «социализм» и вообще отказаться от всяких «измов». Горбачев сказал однажды: надо вдохнуть социализму второе дыхание. На что можно заметить: это невозможно, ибо у него даже не было первого...»

БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ

Нам пишут из Москвы:

Г. Резанов и Т. Хорошилова опубликовали в «Комсомольской правде» заметку под названием «Боже Царя храни», в которой подчеркнули, что «вслед за смертью царя рухнуло царство православное. Русский народ был загнан в кабалу 3-го Интернационала, самые названия «Россия» и «русский» исчезли и дальнейшее их бытие протекает под анонимной

кличкой «советский»»

Авторы рассказали также о том, как в Сербии русский художник Колесников был приглашен для росписи храма. 14 ликов святых он написал сразу, 15-ый долго оставался пустым. Однажды художник в сумерках вошел в храм и увидел, что незаполненный им овал «ожил»: из него, как из рамы, глядел скорбный лик Императора Николая II. Он приставил лестницу к стене и написал икону царя.

ЗВЕЗДА САТАНЫ

Нам пишут из Москвы:

Журнал «Огонек» воспроизвел последнюю картину Ильи Глазунова «Великий эксперимент». Кровавый цвет звезды бьет в глаза. Звезды восседают на кремлевских башнях, свергнув прежний герб России — двуглавых орлов. С ничто и все началось... «Я долго думал над великим экспериментом: откуда он начался? — говорит художник. — Эта великая звезда появилась у Гете — и сразу появился сатана, как дух разрушения».

На картине Глазунова над звездой — изможденный лик Христа, идущего на Голгофу истории с березовым крестом: в 17-ом году Христа в России распяли снова. Антихрист стал править миром. Капище дьявола помечено тоже звездочкой. Большая звезда управляется маленькой, еле заметной, но всемогущей: при каждом пра-

вителе есть свой «кукловод».

Из-за звезды, как преступник из-за угла, выглядывает комиссар Юровский — палач Государя и его Семьи. Он пьет кровавый чай из стакана. Царь у Глазунова — святой мученик.

АРИСТОКРАТИЯ ДУХА

Нам пишут из Милана:

Журнал «Панорама» опубликовал очерк посвященный уцелевшим дворянам в России, в котором в частности, написал, что «отречение Николая II — предмет злободневной действительности». Журнал отметил, что многие русские аристократы принадлежат к миру искусства и что в последнее время они включились в работу многочисленных монархических союзов и комитетов, цель которых — возродить национальное прошлое. По словам князя Андрея Голицына «русская аристократия как класс больше не существует», осталась всего лишь горсть ее потомков, но основные принципы — и нравственные и духовные — еще живы; нам нужно возродить дух патриотизма, это было бы благом и для нации и для всего народа».

Дворянин Сергей Чернышев, со своей стороны, сказал, что «мы уважаем простоту в ее традиционном русском значении, ту простоту, которую воспел Толстой и которая была характерна для последнего императора Николая II».

С о б и р а ю т с я

материалы по истории Северо-Западной Армии генерала Юденича. Просим обращаться по адресу: Anatoly Shmelev, 7116 Ramsgate Ave, Los Angeles CA, 90045, USA.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

В результате поездки М. Горбачева во Францию и Испанию, СССР получил довольно большие кредиты. Франция предоставит миллиард долларов, правда не наличными, а для финансирования экспорта из Франции в СССР, главным образом зерна. В связи с этим, М. Горбачев также обещал, что СССР признает французские капиталовложения в России до революции (именно капиталовложения, так как Россия не нуждалась в кредитах для покупки зерна, ибо сама его вывозила). Испания дала СССР еще больше: полтора с лишним миллиарда долларов, в течение трех лет.

Конечно, поездка Горбачева не была только коммерческим турне, в поисках кредитов для обанкротившейся системы. Горбачев посетил две западноевропейские страны, в которых в данный момент у власти находятся социалистические партии. Правда, эти партии вынуждены управлять в рамках несоциалистических конституций и несоциалистических общественно-экономических моделей. Французская модель была установлена генералом Де Голем, а испанская генералом Франко. Именно поэтому, социалистические правительства этих двух стран сегодня в состоянии давать кредиты для хотя бы частичного спасения социализма в нашей стране. Поездка Горбачева была также идеологическим турне, в поисках идеологической поддержки.

Особенно ясно это проявилось в Испании. И М. Горбачев и Фелипе Гонсалес неоднократно говорили о «гуманистическом социализме», о «политике согласия», вспоминая при этом «испанский переходный период», (transición española), намекая на ее некую, якобы имеющуюся, параллель с «перестройкой» в СССР. Не проговариваясь, что испанская перестройка была фактически партийной надстройкой над моделью Франко, в рамках монархии, установленной тем же Франко. Сам Горбачев подчеркнул, что он, также как и Гонсалес, является генсеком «одной социалистической рабочей партии». Главное затруднение для перестройки в СССР, сказал он, это «менталитет» его населения. Горбачев считает нужным создание «нового человека» перестройки, который, однако, не будет похож на «старых героев» советского социалистического реализма. В этом, Горбачев впал в очевидное противоречие, так как в одной из своих речей, переданных по испанскому телевидению, он похвалил как раз это население, заявив, что оно, несмотря на все случившееся, все же продолжает, якобы, симпатизировать социализму. Или же он проговорился, и отметил, что как раз такие симпатии, поскольку они имеются, и являются главным затруднением для перестройки? Между прочим, эти слова Горбачева о симпатиях населения СССР не были воспроизведены в главных испанских органах печати.

П. Н.